В. Г. Белинский

Наталия. Сочинение госпожи ***...

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«…Во Франции пишут многие женщины; некоторые из них пишут (дивное дело!) хорошо. Неизвестная сочинительница «Натальи» не принадлежит к числу хорошо пишущих, по новым понятиям. Героиня ее романа в восторге от «Матильды» г-жи Коттень, и автор хлопочет о том, чтобы показать способ застраховать жизнь женщины от несчастия на земле. Средством к этому, по ее мнению, должна быть слепая покорность судьбе и избежание страстей и глубоких чувств…»

- Виссарион Григорьевич Белинский
  - ○
- notes
  - ○ Сноски
    - ■ 1
    - ■ 2
  - ○ Комментарии
    - ■ 1
    - ■ 2
    - ■ 3
    - ■ 4

Виссарион Григорьевич Белинский Наталия. Сочинение госпожи ***…

*НАТАЛИЯ. Сочинение госпожи ****{1}*. Издание Сальванди. Перевел с французского Александр Шубяков. Москва. В типографии Н. Степанова. 1835. 396. (12).*

Было время, когда думали, что конечная цель человеческой жизни есть *счастие.* Твердили о суетности, непрочности и непостоянстве всего подлунного и взапуски спешили жить, пока жилось, и наслаждаться жизнию во что бы то ни стало. Разумеется, всякой по-своему понимал и толковал счастие жизни, но все были согласны в том, что оно состоит в наслаждении. Законы, совесть, нравственная свобода человеческая, все отношения общественные почитались не иным чем, как вещами, необходимыми для связи политического тела, но в самих себе пустыми и ничтожными. Молились во храмах и кощунствовали в беседах; заключали брачные контракты, совершали брачные обряды и предавались всем неистовствам сладострастия; и знали, вследствие вековых опытов, что люди не звери, что их должны соединять религия и законы, знали это хорошо – и приноровили религиозные и гражданские понятия к своим понятиям о жизни и счастии: высочайшим и лучшим идеалом общественного здания почиталось то политическое общество, которого условия и основания клонились к тому, чтобы люди не мешали людям веселиться. Это была религия XVIII века. Один из лучших людей этого века сказал:

Жизнь есть небес мгновенный дар:
Устрой ее себе к покою
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар.
. . . . . .
. . . . . .
Пей, ешь и веселись, сосед!
На свете жить нам время срочно:
Веселье то лишь непорочно,
Раскаянья за коим нет![2]

Это была еще самая высочайшая нравственность; самые лучшие люди того времени не могли возвыситься до высшего идеала оной. Но вдруг все изменилось: философов, пустивших в оборот эти понятия, начали называть, говоря любимым словом Барона Брамбеуса, *надувателями* человеческого рода. Явились новые *надуватели* — немецкие философы, к которым по справедливости вышереченный муж питает ужасную антипатию, которых некогда так прекрасно отшлифовал г. Масальский в превосходной своей повести «Дон Кихот XIX века» – этом истинном chef-d'oeuvre[1] русской литературы – и которых, наконец, недавно убила наповал «Библиотека для чтения»{3}. Эти новые *надуватели* с удивительною наглостию и шарлатанством начали проповедовать самые безнравственные правила, вследствие коих цель бытия человеческого состоит будто бы не в счастии, не в наслаждениях земными благами, а в полном сознании своего человеческого достоинства, в гармоническом проявлении сокровищ своего духа. Но этим не кончилась дерзость опасных вольнодумцев: они стали еще утверждать, что будто только жизнь, исполненная бескорыстных порывов к добру, исполненная лишений и страданий, может назваться жизнию человеческою, а всякая другая будто бы есть большее или меньшее приближение к жизни животной. Некоторые поэты стали действовать как будто по согласию с сими злонамеренными философами и распространять разные вредные идеи, как-то: что человек непременно должен выразить хоть какую-нибудь человеческую сторону своего бытия, если не все, то есть или действовать практически на пользу общества, если он стоит на важной ступени оного, без всякого побуждения к личному вознаграждению; или отдать всего себя знанию для самого знания, а не для денег и чинов; или посвятить себя наслаждению искусством, в качестве любителя, не для светского образования, как прежде, а для того, что искусство (будто бы) есть одно из звеньев, соединяющих землю с небом; или посвятить себя ему в качестве действователя, если чувствует на это призвание свыше, а не призвание кармана; или полюбить другую душу, чтобы каждая из земных душ имела право сказать:

> Я все земное совершила:
> Я на земле любила и жила![4]

или, наконец, просто иметь какой-нибудь высший человеческий интерес в жизни, только не наслаждение, не объядение земными благами. Потом на помощь философам пришли историки, которые стали и теориями и фактами

доказывать, что будто не только каждый человек в частности, но и весь род человеческий стремится к какому-то высшему проявлению и развитию человеческого совершенства; но за то уж и катает же их, озорников, почтенный Барон Брамбеус! Я, с своей стороны, право, не знаю, кто прав: прежние ли французские философы или нынешние немецкие; который лучше: XVIII или XIX век; но знаю, что между теми и другими, между тем и другим большая разница во многих отношениях. Не говоря о других, укажу на искусство. Прежние романы всегда оканчивались браком, богатством и, следовательно, возможным человеческим блаженством; нынешние почти все так гадко оканчиваются, что на ночь страшно и дочитывать их. Прежде только в трагедиях допускалась плачевная развязка, и то ex officio[2], из подражания грекам; но зато был выдуман новый род – *драма,* герои которой хотя и претерпевали много гонений за свою добродетель, но зато к концу пьесы женились и делались богаты; про нынешние драмы я не говорю: срам да и только! Прежде в комедиях осмеивались маленькие людские недостатки, как-то: привычка нюхать много табаку, употреблять часто в разговоре любимые поговорки, как, например, *милой мой!* и тому подобные; нынче в комедиях хлещут (да ведь как?.. со всего плеча!) чиновников, которые, вместо того чтобы служить государю верою и правдою, думают только о чинах и взятках, как Фамусов, людей, которые, вместо того чтобы любить, распутничают, словом, вместо того чтоб быть людьми, бывают скотами – и пр.

Во Франции пишут многие женщины; некоторые из них пишут (дивное дело!) хорошо. Неизвестная сочинительница «Натальи» не принадлежит к числу хорошо пишущих, по новым понятиям. Героиня ее романа в восторге от «Матильды» г-жи Коттень, и автор хлопочет о том, чтобы показать способ застраховать жизнь женщины от *несчастия на земле.* Средством к этому, по ее мнению, должна быть слепая покорность судьбе и избежание страстей и глубоких чувств. Ей нет до того дела, что можно быть несчастною, живя с немилым мужем, что жизнь без страстей и чувств есть не жизнь, а оцепенелый сон альпийского сурка во время зимы; она не говорит женщинам, что брак без любви есть или торговая сделка, противная совести и религии, или детский легкомысленный поступок, за который не мудрено впоследствии дорого поплатиться, что для избежания размолвки с мужем или измены ему не надо шутить замужеством прежде замужества: нет, она лезет вон из кожи, чтоб показать *гибельные следствия пылких страстей,* на манер г-жи Жанлис, Коттень и прочей литературной сволочи доброго старого времени. Несмотря на то, что в этом романе есть мысль, есть некоторая

занимательность, происходящая не от таланта автора, а от его литературной цивилизованности, если можно так сказать, нельзя не удивиться неудачному выбору г. переводчика и еще более неудачному исполнению его труда. Видно, что он хорошо знает французский язык, но в размолвке с русским синтаксисом, ибо его перевод битком набит фразами, подобными следующим: «Печальный и торжественный вид графини, произнося слова сии, сообщился всем…» (Печальный и торжественный вид графини *произносил* слова сии и сообщился всем!)… «Он говорит, что он мне уже не супруг, но это он еще. Усталость наша, всходя на оный, была хорошо вознаграждена…» (Усталость всходила на *оный* и была хорошо вознаграждена!)… «И вспомни, что тот, который так занимался мною, был благородный Эрнест, получивший от бога достойнейшую душу, чтобы проистекать от него!» (Просто бессмыслица)… «Я думаю, что он истинно несчастлив… но не будет им долгое время…» (Верно, г. переводчик хотел сказать: я думаю, что он истинно несчастлив… но *ненадолго!)*… «Я была в Лобреде с того же горестию, в какой была»… и пр., и пр., и пр.

Куда уж нам, бедным, думать о том, чтобы наши собственные произведения какою-нибудь мыслию выкупали недостаток таланта, когда мы еще плохо знаем или совсем не знаем русской грамматики и не умеем написать правильно ни одной русской фразы!..

notes

Сноски

шедевре *(франц.)*. – *Ред.*

по должности *(лат.)*. – *Ред.*

Комментарии

1

Автор рецензируемой книги – французская писательница Шарль де Монпеза (M-me Charles de Montpezat).

2

Первая цитата – завершающие строки стихотворения Г. Державина «На смерть князя Мещерского». Вторая цитата – также завершающие строки другого стихотворения Державина – «К первому соседу». Курсив везде Белинского.

3

О повести К. Масальского Белинский уже писал: см. наст. т., с. 351. Выступление «Библиотеки для чтения» против немецких философов – это статья О. Сенковского «Германская философия» (т. IX, отд. III, 1835) с резкими нападками на Канта, Шеллинга и особенно Гегеля. «Германская философия, – заключал автор, – наделала много вреда; она сбила с толку не одну умную голову и запутала все науки: пора ей в отставку – и, по милости, освободите от ней русских, которые всегда славились своим здравым смыслом».

4

Цитата из стихотворения В. Жуковского «Голос с того света» (из Шиллера).